

Психика бойцовъ подъ первымъ артилерійскимъ обстрѣломъ.

(Военно-психологическій этюдъ).

«Природа чувства опредѣляется не дѣйствительною, а воображаемою полезностью или вредомъ»¹⁾.

I. Герой храбрости по невѣдѣнію.

Герой разказа—военный врачъ. Врачъ первый разъ участвовалъ въ бою, подъ Тюренченомъ, и находился для оказанія медицинской помощи въ тылу—въ мѣстѣ расположенія обоза.

«Когда началось сраженіе, когда полетѣли артилерійскіе снаряды и стали падать то здѣсь, то тамъ, я безъ малѣйшей доли страха, совершенно спокойно, говорилъ самъ участникъ въ личной бесѣдѣ: сталъ смотрѣть на величественную картину боя: восхищался красотой и съ пріятностью слушалъ могущественный звукъ отъ разрыва снарядовъ. Кромѣ теоретическихъ соображеній я не зналъ по опыту дѣйствительной опасности отъ артилерійскаго огня. Я не зналъ, что такое шрапнель? Что такое граната? Не зналъ и ихъ губительнаго дѣйствія. Я участвовалъ въ бою первый разъ; любовался эффектной картиной разрывовъ артилерійскихъ снарядовъ, а

¹⁾ *Вильгельмъ Герузалемъ.* Учебникъ психологіи. Перев. съ нѣмец. Д. В. Викторовъ, 1911 г., стр. 222.

о личной опасности не беспокоился. Я думалъ, что *опасности для меня лично нтъ никакой*. Въ простотѣ сердца я предполагалъ, что, если будетъ смерть, будутъ раненія, то они будутъ въ передовыхъ частяхъ, въ первыхъ рядахъ войскъ. Степень опасности, по моему разумѣнію, измѣрялась разстояніемъ отъ японцевъ. Чѣмъ ближе къ нимъ, тѣмъ опаснѣе и чѣмъ дальше—даже на 20 саженой—тѣмъ менѣе опасно. Вѣдь, если будутъ убиты, то мнѣ казалось, въ началѣ будутъ убиты первые ряды, потомъ вторые, третьи и такъ далѣе....

Я находился въ обозѣ... рядовъ войскъ до меня было много... И это давало мнѣ урѣренность въ полной личной безопасности. И вдругъ, при моемъ полномъ спокойствіи, *я вижу... на глазахъ...*, почти рядомъ со мной, *... разорвался снарядъ (граната).... Лошадь разорвало въ куски; ранило санитаровъ; разломало двуколку....* И состояніе моего духа сразу измѣнилось. Держась до сего времени прямо, *я невольно пристѣлъ... и почувствовалъ себя скверно....»*

Какое душевное состояніе пережилъ герой, опредѣляя его словами: «держась до сего времени прямо... я невольно пристѣлъ... и почувствовалъ себя скверно...»?

«Если въ окружающей насъ средѣ мы встрѣчаемъ *силу*, которой мы приписываемъ непреодолимость, то чувство, возникающее въ насъ—*ужасъ* ²⁾».

Чувство ужаса пережилъ герой храбрости—по невѣдѣнію, когда предъ глазами увидѣлъ разрушительную силу артилерійскаго огня.

Воображеніе безопасности, дававшее чувство спокойствія, смѣнилось, при видѣ картины разрушенія, чувствомъ ужаса и вновь воображеніемъ, но уже *воображеніемъ опасности*, быть можетъ, бѣльшей, нежели дѣйствительная вредоносность отъ обстрѣла гранатами.

II. Герой относительной храбрости.

Герой даннаго разсказа, какъ и предыдущаго, тоже врачъ; врачъ запаса.

По характеру—выдержанный, спокойный; пріѣхалъ на войну въ началѣ кампаніи.

«Я шелъ на войну, говорилъ онъ, съ охотой и внутреннимъ желаніемъ. Будучи страстнымъ охотникомъ, я горѣлъ желаніемъ испытать ощущенія стрѣлка на войнѣ.

²⁾ *Вильгельмъ Герузалемъ*, стр. 223.

По прїѣздѣ на войну было опредѣленъ полковымъ врачомъ въ К. полкъ; чему былъ очень радъ. Я горѣлъ нетерпѣніемъ узнать: что такое война? Какъ она ведется? Что испытываютъ участники сраженій?

И вотъ мое желаніе исполнилось—я на войнѣ; я полковой врачъ и полкъ въ линіи соприкосновенія съ непріятелемъ, ждетъ сраженій.

Я впервые попалъ въ крупное сраженіе. Въ обозъ, гдѣ находился медицинскій пунктъ, учащено полетѣли шрапнели и стали рваться то тамъ, то здѣсь.

Картина разрыва шрапнелей заинтересовала меня. Я съ любопытствомъ прислушивался къ свисту летящихъ снарядовъ и, наблюдая, всматривался, гдѣ и какъ они разорвутся.

Не помню, какія чувства переживалъ въ эти минуты, я не наблюдалъ за собой въ это время, но я помню, что я не трусилъ; я былъ спокоенъ. Однако, нужно думать, что это спокойствіе не было спокойствіе мирнаго обывателя, созерцающаго мирныя картины сельской жизни!

Семь часовъ пришлось стоять подъ артилерійскимъ огнемъ. Двинуться впередъ не могли; назадъ идти было нельзя. Путь отступленія находился подъ обстрѣломъ непріятельскихъ снарядовъ.

Въ общемъ я чувствовалъ себя хорошо и былъ спокоенъ....

Появились раненые.... Я, какъ врачъ, приступилъ къ перевязкамъ.... И сразу... любознательность моя и спокойное созерцаніе картины боя смѣнились тревогой и щемящей болью на сердце....

Наступила ночь. Японская артилерія замолкла. Снаряды перестали сыпаться. Мы получили возможность двинуться назадъ.

Будучи въ полной безопасности, я вдругъ ослабъ... и истерически разрыдался.

Въ горлѣ душило... Слезы текли... Я сидѣлъ и всплихивалъ. Дали холодной воды напиться; выпилъ... и понемного успокоился....

А дальше... въ продолженіи войны участвовалъ въ нѣсколькихъ крупныхъ сраженіяхъ. Одинъ разъ осколокъ гранаты сбилъ мою фуражку; другой разъ пуля шрапнели расшибла носокъ сапога.

Картиной боя я уже не интересовался. И послѣ перваго боя, никогда ни разу не плакалъ».

Разсказъ не даетъ намъ данныхъ къ объясненію душевнаго спокойствія. Истекало ли спокойствіе отъ полнаго невѣдѣнія объ опасности артилерійскаго огня, какъ у предыдущаго героя разсказа, или отъ другихъ причинъ, сказать трудно.

Но, несомнѣнно, что полнаго невѣдѣнія дѣйствія огнестрѣльнаго оружія здѣсь не было. Врачъ страстный охотникъ и, слѣдовательно, зналъ законы пораженія, если не артилерійскаго огня, то ружейнаго.

Здѣсь того наивнаго представленія о воображаемой безопасности, что было въ первомъ разсказѣ, не было. Стрѣлокъ не будетъ представлять, что «сначала будутъ убиты первые ряды, потомъ вторые, третьи и т. д. Объ этомъ говорить и самъ разсказчикъ: «я не трусилъ; я былъ спокоенъ». Однако, *это спокойствіе, прибавляетъ онъ, не было спокойствіемъ мирнаго обывателя, созерцающаго мирныя картины сельской жизни!*

Слѣдовательно, душевное настроеніе героя хотя и было спокойное, но *спокойное относительно*. Элементъ *тревожности* былъ при этомъ состояніи, но онъ не достигалъ лишь яркой формы проявленія.

Однако, не будемъ далеки отъ истины, если предположимъ, что и здѣсь герой «относительной храбрости» былъ храбрымъ *по отсутствію личныхъ впечатлѣній опасности артилерійскаго огня.*

Предположеніе наше объ относительно спокойномъ душевномъ настроеніи по отсутствію личныхъ впечатлѣній объ опасности артилерійскаго огня подтверждается разсказомъ въ признаніи самого участника: «Появились раненые.... И сразу... любознательность моя и спокойное созерцаніе картины боя смѣнилось *тревогой и щемящей болью на сердце....*»

Описываемое въ подобныхъ выраженіяхъ душевное состояніе было чувствомъ *тревожно-опасливаго* ожиданія и *страха.*

Видъ раненыхъ, вызывая представленіе о *реальной опасности* отъ артилерійскаго огня, тѣмъ самымъ вызываетъ и чувство страха.

«Представленіе объ опасности, какъ силѣ, превосходящей нашу собственную силу, вызываетъ чувство страха» ³⁾, что собственно и было у нашего героя; его спокойное созерцаніе картины боя смѣнилось *тревогой и щемящей болью на сердце,* и исчезла его любознательность.... Представленіе о реальной опасности при видѣ раненыхъ вызвало тревожно-опасливое ожиданіе и временами чувство страха.

³⁾ *Вильгельмъ Герузалемъ,* стр. 223.

Однако, почему въ данномъ разсказѣ герой пережилъ *страхъ*, а не *ужасъ*, какъ въ первомъ случаѣ? И *почему*,—есть ли это страхъ,—а не другое какое-либо чувство, *герой нашъ, поддавшійся страху, не далъ отказа отъ работы*, что съ общепринятой точки зрѣнія о чувствѣ страха, должно быть на лицо? «Появились раненые... и онъ, врачъ, приступилъ къ перевязкамъ....» Съ одной стороны, при видѣ раненыхъ—чувство *страха*, а съ другой, при чувствѣ страха,—«*не отказъ отъ работы*», что является типичнымъ для охваченнаго чувствомъ страха—*а работа въ сферѣ опасности—медицинская работа—перевязка*.

Первое—почему герой пережилъ *страхъ*, а не *ужасъ*? Разница въ силѣ чувства объясняется силою впечатлѣній. У перваго при воображаемой полной безопасности, впечатлѣніе опасности *по времени—неожиданное: по силѣ—*почти стихійное; *по близости—*«передъ глазами». «Почти рядомъ со мной, говорилъ участникъ, разорвался снарядъ (граната). Лошадь разорвало въ куски; ранило санитаровъ; разломало двуколку»...

У втораго—впечатлѣніе опасности отъ вида раненыхъ. Эти впечатлѣнія *по времени—*ожидаемая, *по силѣ—*разрушительныя, но не стихійныя; *по близости—*непосредственно, но *съ постепеннымъ приближеніемъ*. Сила впечатлѣній реальной опасности была меньше, а потому не было ужаса, а былъ *страхъ*.

Второе, если это былъ страхъ, то почему не было, типичнаго для страха—*отказа отъ работы?*

По нашему мнѣнію только потому, что *чувства тревожно-опасливаго ожиданія и страха*, какъ и всякія другія чувства, до извѣстной степени *могутъ быть задержаны*.

На подобіе того, какъ мы можемъ задержать высказываніе мысли; можемъ сдержатъ себя отъ какого либо поступка; можемъ сдержаться отъ проявленія чувствъ: гнѣва, печали, радости и т. п., герой нашъ, будучи въ страхѣ, *удержалъ себя* настолько *отъ проявленій страха*, почему и могъ работать и *работалъ*, «дѣлая перевязки».

Фактъ *задержки чувства страха*, или—какъ любятъ говорить военные—«господства надъ страхомъ» или «подавленіе страха волей», фактъ очень распространенный среди боевыхъ столкновеній.

Задержка, или сдерживаніе чувства страха бываетъ иногда при ясномъ сознаніи, иногда бессознательно. Очень часто, при отвлеченіи вниманія въ сторону какой либо работойъ, бессознательная задержка чувства страха бываетъ настолько совершенной, что пережившими это состояніе *характеризуется, какъ полное*

отсутствіе страха. А между тѣмъ *страхъ* несомнѣнно былъ, но только *былъ сдержанъ*, что даетъ впечатлѣніе пережившему, какъ отсутствіе его.

Если бы, по способности сдерживать эмоціи—чувства, можно было бы говорить объ ихъ отсутствіи, то и про героя разсказа, пожалуй, можно бы сказать, что онъ не былъ въ указанныхъ чувствахъ. Между тѣмъ наличие этихъ чувствъ въ задержанной формѣ, доказывается, какъ признаніемъ самого героя, такъ и описаніемъ душевнаго состоянія послѣ боя.

«Наступила ночь. Японская артилерія замолкла. Мы получили возможность двинуться назадъ... Будучи въ *полной безопасности*, я *вдругъ ослабъ*... (Сдерживаніе чувства страха—прекратилось). И я *истерически разрыдался*. Въ горлѣ душило... Слезы текли... Я сидѣлъ и всхлипывалъ. Дали холодной воды напиться; выпилъ и понемногу успокоился»...

Обычная картина *разряда чувствъ* послѣ прекратившихся попытокъ къ сдерживанію себя, наблюдаемая даже въ мирное время, особенно у болѣе слабаго пола.

«А дальше... въ продолженіи войны участвовалъ въ нѣсколькихъ крупныхъ сраженіяхъ. Одинъ разъ осколокъ гранаты сбиль фурижку; другой разъ пуля шрапнели расшибла носокъ сапога. Картиной боя я уже не интересовался. И послѣ перваго боя, никогда, *ни разу не плакалъ*»...

Сдерживаніе чувствъ въ послѣдующее время послѣ перваго опыта было болѣе совершеннымъ и, видимо, *не прекращалось* сдерживаніе и тогда, *когда герой переходилъ изъ сферы явной опасности въ сферу полной безопасности.* Ибо, въ противномъ случаѣ, была бы или наличность проявленій страха въ несдержанной формѣ во время боя, или картина разряда чувствъ въ видѣ обычной истерики послѣ боя, по прекращеніи попытокъ по сдерживанію себя. Того и другого у героя разсказа не наблюдалось.

Обобщая *душевные переживанія* того или другого героя разсказовъ, и рассматривая ихъ вмѣстѣ, мы душевные переживанія ихъ, или иначе, общую для нихъ *психическую реакцію на впечатлѣнія подъ артилерійскимъ обстрѣломъ* можемъ подраздѣлить на два періода, отличающіеся одинъ отъ другого содержаніемъ переживаній.

Первый періодъ—переживанія *по представленію* о воображаемой опасности для себя подъ обстрѣломъ, *на основаніи знанія и опыта мирнаго времени до момента* полученія «на глазахъ»—впечатлѣній о *реально*—разрушительномъ дѣйствіи артилерій-

скаго огня; *второй* періодъ—переживанія *по представленію* о воображаемой опасности для себя подъ обстрѣломъ, *на основаніи знанія и опыта, полученнаго во время обстрѣла* съ момента полученія впечатлѣній о разрушительномъ дѣйствіи огня.

Начинается второй періодъ рѣзкимъ и неожиданнымъ *переломомъ представленія* объ опасности для самого себя. Представленіе о воображаемой опасности по опыту мирнаго времени, какъ не соответствующее дѣйствительности, рѣзко мѣняется *представленіемъ о той реальной опасности*, которая несетя каждымъ снарядомъ артилерійскаго огня, представленіемъ, которое дается, какъ выше сказано, *первымъ опытомъ* (первымъ впечатлѣніемъ), получаемымъ во время обстрѣла.

Первый періодъ характеризуется—при нахожденіи въ сферѣ дѣйствительной опасности отъ артилерійскаго огня 1) *представленіемъ* (воображеніемъ) объ относительной *личной безопасности* (по знанію (опыту) мирнаго времени); 2) относительно *спокойнымъ душевнымъ настроеніемъ*⁴⁾; 3) *наслажденіемъ* эффектами войны, по преимуществу звуковыми и зрительными впечатлѣніями отъ разрыва артилерійскихъ снарядовъ—и 4) *любопытностью* къ явленіямъ войны: «Что такое война?» «Какъ она ведется?» «Что испытываютъ участники сраженій?»

Не напоминаетъ ли приведенное описаніе душевныхъ переживаній участниковъ артилерійскаго боя *въ первомъ періодѣ*—душевныхъ же переживаній лицъ мирнаго времени во время развлеченій грандіознымъ фейерверкомъ!

Не то же ли сравнительно *спокойное* (трепетное) *душевное состояніе* вслѣдствіе представленія объ отсутствіи реальной опасности! Не та же ли *любопытность*... а что дальше будетъ? Не то же ли *наслажденіе эффектами* развлечения—звуковыми и зрительными!

Намъ думается, что эти переживанія имѣютъ много общаго между собою.

Второй періодъ характеризуется представленіемъ (воображеніемъ) *о личной опасности по опыту*, полученному «на глазахъ», *во время обстрѣла* и переживаніями, соответственно этому представленію, которыя, въ общемъ, соответствуютъ переживаніямъ

⁴⁾ Употребляя терминъ: *спокойное душевное настроеніе*, я приспособляюсь лишь къ терминологіи лицъ, пережившихъ этотъ періодъ.

Доминирующимъ настроеніемъ участниковъ, по нашему мнѣнію, является *тревожное настроеніе* («Воен. Сб.» № 11, 1913 г.), но въ данномъ случаѣ съ преобладаніемъ въ ожидаемомъ будущемъ (въ воображеніи) благоприятныхъ перспективъ—*тревожно-радостное* настроеніе.

людей, находящихся въ чувствѣ страха, въ различныхъ его формахъ;—что будетъ изложено въ другихъ статьяхъ на эту тему.

Въ приведенныхъ разсказахъ говорилось о душевныхъ переживаніяхъ врачей, людей не военныхъ собственно, впервые попавшихъ въ условія артилерійскаго боя, и реагиравшихъ на обстановку описаннымъ образомъ.

Насъ, конечно, интересуютъ другіе участники сраженій—*офицеры и солдаты*, болѣе, нежели врачи. Спрашивается, какъ они относятся къ артилерійскому бою и какія они испытываютъ душевныя переживанія? Такія ли переживанія, какъ описанныя нами у врачей, или же эти переживанія особенныя, совершенно другого свойства? Постараемся проникнуть въ ихъ психику.

III. Герои храбрости специальной подготовки—бывшіе и еще не бывшіе въ бою.

Изустные разсказы участниковъ, офицеровъ, даютъ такого рода свѣдѣнія.

«*Въ первый бой войска, особенно офицеры, идутъ смѣло, открыто и даже съ радостью*». Понурыхъ лицомъ и вялыхъ по движенію при вступленіи въ первый бой, почти не бываетъ.

Вступающіе въ бой высказываютъ, что *они рады*, наконецъ, *узнать—что такое война?* Такъ ли она ведется, какъ готовилось въ мирное время? Тому ли ихъ учили, что необходимо въ бою? Что переживаютъ участники въ своей душѣ? Окажутся ли они на высоты воинскаго званія и долга, къ чему они такъ стремились всей своей подготовкой и личнымъ желаніемъ быть на высотѣ долга, быть «героемъ»?

Всѣмъ хочется узнать—какимъ онъ будетъ въ бою? И вступаютъ въ бой смѣло и, повидимому, совершенно спокойные по настроенію.

Того душевнаго переживанія, которое описано вами передъ вступленіемъ въ бой ⁵⁾, говорили въ бесѣдѣ нѣкоторые изъ участниковъ, обычно нѣтъ у вступающихъ въ бой первый разъ. Войска, особенно офицеры, идутъ *въ спокойномъ душевномъ настроеніи* и съ большимъ интересомъ къ тому—что будетъ? Да, кажется, иначе и быть не можетъ. Мы воспитаны и приготовлены для войны. Каждому хочется провѣрить себя въ боевой обстановкѣ—что будетъ?

⁵⁾ Д-ръ Г. Шумковъ. Душевное состояніе воиновъ въ ожиданіи боя. «Военный Сборникъ» май, іюнь 1913 г.

Совсѣмъ другое душевное настроеніе у лицъ, уже побывавшихъ въ бою. У нихъ нѣтъ того задора; нѣтъ желанія рваться въ бой; нѣтъ интереса къ эффектамъ величественной картины боя.

Здѣсь люди испытанные, побывавшіе и знающіе, что одного задора, самоуверенности и желанія быть героемъ—мало. Обстановка боя иногда такъ повелѣваетъ, что и строго выдержанные и крѣпкіе субъекты поддаются человѣческой слабости...

Нужно отличать также психологію лицъ вступающихъ подъ артилерійскій огонь у пѣхоты и у артилеристовъ.

Артилерійскій огонь производитъ сильное моральное (психическое) воздѣйствіе на пѣхоту и не производитъ того же дѣйствія на артилеристовъ, какъ и наоборотъ, ружейный огонь не производитъ того устрашающаго вліянія на психику пѣхоты, какое онъ производитъ на артилеристовъ. Слѣдовательно, необходимо въ этомъ случаѣ отличать воздѣйствіе артилерійскаго огня на психику людей привычныхъ къ нему—артилеристовъ и на людей непривычныхъ къ нему—офицеровъ и солдатъ пѣхоты.

Нужно имѣть въ виду и то, что психическое воздѣйствіе артилерійскаго огня на пѣхотныя войска, свѣжія—первый разъ вступающія въ бой—и войска, обстрѣлянные—побывавшія въ бою—также совершенно разное».

IV. Переживанія офицера пѣхоты.

Личныя психическія переживанія офицера-пѣхотинца, первый разъ попавшаго подъ артилерійскій обстрѣлъ, рисуются въ разсказѣ: «Мечта и дѣйствительность», помѣщенномъ въ статьѣ «Военнаго Сборника»: «Вліяніе артилерійскаго огня на психику»⁶⁾.

Здѣсь я приведу краткія выдержки изъ приведеннаго разсказа.

«На войну я вызался самъ. Я былъ воодушевленъ желаніемъ скорѣе попасть въ бой...

По военному училищу и на службѣ въ полку, въ которомъ состоялъ въ чинѣ поручика, считался храбрымъ, и я думалъ о себѣ, что на войнѣ окажусь на высотѣ своего положенія...

Отправляясь на войну, я мечталъ скорѣе попасть въ бой; я думалъ, что буду драться съ непріятелемъ, буду колоть, рубить его; если нельзя достать штыкомъ—буду стрѣлять. Мечталъ я, что честно исполню свой долгъ и буду или убить... или буду герой.

...Когда отецъ при прощаніи сказалъ: «я надѣюсь, что во всякомъ случаѣ ты исполнишь свой долгъ», я только пожалъ плечами

⁶⁾ Д-ръ Г. Шумковъ: «Военный Сборникъ» № 5, 1914 г.

и ничего не отвѣтилъ, такъ какъ въ душѣ моей было ясно и вѣдѣ всѣхъ сомнѣній, что я исполню свой долгъ.

На войнѣ я попалъ въ N-й полкъ. Второй день полкъ нашъ стоялъ на позиціи въ соприкосновеніи съ непріателемъ.

...Непріатель обстрѣливалъ сѣдловины вправо и влево отъ насъ. Тамъ въ окопахъ стояли наши батареи.

Сухіе, рѣзкіе выстрѣлы нашихъ орудій и сильный, мощный вой нашихъ снарядовъ *радовалъ насъ...*

Мы съ восхищеніемъ и внутреннимъ удовольствіемъ смотрѣли на нашихъ артиллеристовъ, которые стойко отвѣчали на обстрѣлъ непріателя.

Мало-по-малу мы такъ привыкли къ этой стрѣльбѣ, что перестали наблюдать за ходомъ артилерійскаго боя и не замѣтили, какъ... японцы перестали стрѣлять по нашимъ батареямъ и перенесли огонь на гребень, который былъ занятъ нашимъ полкомъ.

Японцы обстрѣливали нашъ полкъ по какому-то особенному способу, выматывая всѣ нервы...

Полетъ *шрапнели* слышенъ секунды двѣ-три, но этотъ вой обрывается неожиданнымъ мягкимъ, густымъ выстрѣломъ.

Но за то эти проклятыя *шимозы* приближаются съ какимъ-то стономъ, все повышая и повышая голосъ, и подъ конецъ запюютъ съ такими переливами, что одно мгновеніе кажется, какъ будто вамъ сверлятъ самое темя буравомъ. Кончается эта музыка оглушительнымъ взрывомъ, отъ котораго начинается звенѣть въ ушахъ...

Выносить это нѣтъ силъ!

Ужасъ и чувство, на подобіе тоски, наполнили скоро все мое существо...

Я, оглушенный и подавленный этимъ свистомъ, ревомъ и трескомъ, весь съѣживался и меня неудержимо тянуло внизъ—на землю... Мнѣ казалось, что тамъ (на землѣ) меня не такъ хорошо видно и поэтому безопаснѣе... Я не смотрѣлъ на свою роту... У меня мелькала мысль, зачѣмъ я здѣсь сижу... и оглядывался назадъ...

Я чувствовалъ спазмы въ горлѣ; чувствовалъ, что вотъ-вотъ я разрыдаюсь...

Отправляясь на войну я, конечно, мечталъ попасть въ бой; но я вѣдѣ думалъ, что буду драться съ людьми. *Я, да и всѣ мы, офицеры, воображали, что будемъ колоть, рубить; если нельзя двѣствовать штыкомъ—будемъ стрѣлять...* Но, ни кому въ голову не приходило, что намъ придется бороться съ мертвой машиной, которую нельзя ни достать, ни даже увидѣть...

Герой разсказа одинъ изъ лучшихъ офицеровъ пѣхоты. «По военному училищу и на службѣ въ полку считался храбрымъ»; Ъхаль на войну «по собственному желанію»; мечталъ попасть въ бой. При напутствіи отца—«я надѣюсь, что ты во всякомъ случаѣ исполнишь свой долгъ», даже внутренно оскорбился, ибо «въ душѣ его было ясно и вѣдѣ всякихъ сомнѣній, что онъ исполнитъ свой долгъ».

И что же мы видимъ?

Мы видимъ въ его душевныхъ переживаніяхъ много общаго съ переживаніями врачей въ тѣхъ же условіяхъ.

Тоже подраздѣленіе душевныхъ переживаній на *два періода*.

Первый—со времени вступленія подъ огонь *до момента* получения впечатлѣній о разрушительномъ дѣйствіи артилерійскаго огня и *второй*—*съ момента* получения впечатлѣній о разрушительной силѣ огня.

Само собой напрашивается положеніе, что при вступленіи подъ артилерійскій обстрѣлъ лицъ, собственно, военныхъ—офицеровъ и солдатъ, въ мирное время уже подготовленныхъ до нѣкоторой степени къ боевымъ дѣйствіямъ, *представленіе*, или *воображеніе* ихъ о вредныхъ воздѣйствіяхъ подъ огнемъ артилеріи будетъ соотвѣтствовать въ *дѣйствительности* ожидаемымъ явленіямъ.

Но, если бы *представленіе* о вредныхъ воздѣйствіяхъ подъ артилерійскимъ огнемъ соотвѣтствовало *реальной*, или *дѣйствительной опасности* у офицера приведеннаго разсказа, то не было бы описанныхъ душевныхъ переживаній, подраздѣляющихся на два періода.

Разница душевныхъ переживаній въ томъ и другомъ періодѣ говорить о *разницѣ представленій* или воображенія объ опасности *при вступленіи* *подъ обстрѣлъ* и *по полученіи личныхъ впечатлѣній* о разрушительномъ дѣйствіи артилерійскаго огня.

Конечно, герой разсказа, какъ офицеръ-пѣхотинецъ, хорошо зналъ законы пораженія ружейнымъ огнемъ. Нужно предполагать, что хорошо зналъ (*теоретически*) законы пораженія и артилерійскимъ огнемъ, а все-таки чего-то не зналъ, къ чему-то не былъ подготовленъ и слѣдовательно, въ первомъ періодѣ *недооцѣнивалъ* сферы опасности подъ артилерійскимъ огнемъ.

«То, чего онъ не зналъ и къ чему не былъ подготовленъ», герой разсказа описываетъ слѣдующими словами. «Отправляясь на войну я, конечно, мечталъ попасть въ бой; но я вѣдь думалъ, что буду драться съ людьми. Я, да и всѣ мы, офицеры, воображали, что будемъ колоть, рубить; если нельзя дѣйствовать штыкомъ, будемъ

стрѣлять... *Но, ни кому въ голову не приходило, что намъ придется бороться съ мертвой машиной, которую нельзя ни достать, ни даже увидеть»...*

Герой разсказа, слѣдовательно, недооцѣнивалъ степени опасности подъ артилерійскимъ огнемъ въ томъ, что ему здѣсь, кромѣ подготовки къ борьбѣ съ непріателемъ, нужно было *подготовить себя лично къ борьбѣ съ душевными переживаниями, невольными возникающими въ насъ при обстрѣлѣ артилерійскими снарядами*—этими «мертвыми машинами».

Если мы, являясь какъ бы судьями, стали осуждать печальное поведеніе въ первомъ бою, то войдя въ положеніе героя разсказа, мы должны отнести вину его не столько къ винѣ, зависящей отъ него самого, сколько къ неправильной или неполной подготовкѣ къ бою въ мирное время, въ которое даютъ солидную военную подготовку для борьбы съ непріателемъ, но не даютъ такой же подготовки *для борьбы съ самимъ собой, съ тѣми душевными переживаниями, которыя невольно возникаютъ въ человѣкъ-бойца въ обстановкѣ боя.*

Мы можемъ безъ натяжки признать: 1) что подобно врачамъ, *представленіе* или *воображеніе* офицера-пѣхотинца о явленіяхъ подъ артилерійскимъ обстрѣломъ, по *знанію*, или опыту мирнаго времени, несоотвѣтствовало дѣйствительности; воображеніе его *недооцѣнивало* сферы опасности (явленій вредныхъ), особенно по отношенію *къ личной персонѣ.*

2) Изъ представленія объ относительной *личной безопасности* вытекало то, сравнительно, *спокойное настроеніе духа*, въ которомъ находился офицеръ-пѣхотинецъ въ началѣ обстрѣла. «Онъ испытывалъ внутреннее удовольствіе и любовался съ восхищеніемъ картиной боя».

3) Подобно врачамъ, и офицеръ-пѣхотинецъ испытываетъ *наслажденіе* эффектами войны, особенно звуковыми и зрительными впечатлѣніями отъ разрыва артилерійскихъ снарядовъ.

«Сухіе, рѣзкіе выстрѣлы нашихъ орудій и сильный, мощный вой снарядовъ радовали насъ».

4) Въ большей степени, чѣмъ даже врачи, офицеръ проявилъ и *любопытность* къ вопросамъ: «Что такое война?» Такъ ли она ведется, какъ готовили въ мирное время?» «Что переживаютъ участники въ своей душѣ?» «Окажутся ли они на высотѣ своего званія?» и т. п.

Слѣдовательно, *первый періодъ* переживаній подъ артилерійскимъ огнемъ офицера-пѣхотинца и ему подобныхъ, подобно вра-

чамъ первыхъ двухъ разсказовъ, характеризуется: 1) *представленіемъ* (воображеніемъ) объ относительной безопасности для самого себя, по *знанію*, или опыту мирнаго времени; 2) относительно *спокойнымъ душевнымъ настроеніемъ*; 3) *наслажденіемъ* эффектами войны, особенно звуковыми и зрительными впечатлѣніями отъ разрыва артилерійскихъ снарядовъ, и 4) *любопытностью* къ явленіямъ войны. «Что такое война?» «Какъ она ведется?» «Что испытываютъ участники сраженій?»

Какъ все несоотвѣтствующее дѣйствительности быстро разлетается въ столкновеніи съ жизнью, такъ и первый періодъ, соотвѣтствующій неправильному представленію о явленіяхъ въ бою, при столкновеніи съ боевой дѣйствительностью быстро заканчивается и начинается второй періодъ.

Представленіе о боевыхъ явленіяхъ, по подготовкѣ мирнаго времени, неожиданно и рѣзко *затмѣняется* (быть можетъ преувеличеннымъ) *представленіемъ о той реальной опасности*, которая несетя каждымъ снарядомъ артилерійскаго огня.

Второй періодъ. Душевные переживанія офицера-пѣхотинца и ему подобныхъ во время артилерійскаго боя по полученіи *представленія о реальной опасности*, на основаніи перваго опыта полученнаго во время обстрѣла, характеризуются переживаніями свойственными, находящимся въ *чувствѣ страха*: т.-е. подобными же переживаніями, которыя мы отмѣчали выше и у врачей во второмъ періодѣ.

Свои переживанія во второмъ періодѣ офицеръ-пѣхотинецъ описываетъ въ такихъ выраженіяхъ (соотвѣствующихъ находящемуся въ чувствѣ страха).

«*Ужасъ и чувство на подобіе тоски* наполнили все мое существо. Весь собравшись въ комокъ, сидѣлъ, закрывъ глаза руками, и дѣлалъ невѣроятныя усилія, чтобы собрать отрывки мыслей. Оглушенный... весь съеживался, и меня неудержимо тянуло внизъ на землю... Я не смотрѣлъ на свою роту... *Я чувствовалъ спазмы въ горлѣ, чувствовалъ, что вотъ-вотъ я разрыдаюсь... Выносить это нѣтъ силъ!*»

Вспоминая признанія врача втораго разсказа. мы видимъ, что онъ, пораженный страхомъ, при видѣ раненыхъ, продолжалъ свою медицинскую работу (перевязки) и сдерживалъ проявленія страха до прибытія въ сферу полной безопасности и лишь тамъ онъ не выдержалъ и зарыдалъ истерически...

Здѣсь же, у офицера-пѣхотинца, мы видимъ «*спазмы въ горлѣ и вотъ-вотъ разрыдаюсь...*» еще подъ артилерійскимъ огнемъ.

Такъ что въ данномъ, частномъ случаѣ, въ смыслѣ военной добродѣтели—*самообладанія*—офицеръ, считающійся «по военному училищу и по службѣ храбрымъ», оказался въ бою менѣе выдержаннымъ, менѣе храбрымъ, нежели человекъ не военный, врачъ запаса (во второмъ разказѣ).

Спрашивается, такъ ли чувствуютъ себя и такія ли переживаютъ психическія состоянія другіе офицеры, какъ приведенный выше?

Мы не знаемъ точно о переживаніяхъ другихъ, находящихся въ такихъ же условіяхъ, на основаніи ихъ личныхъ искреннихъ признаній, но можемъ предположить съ большой долей вѣроятія и почти безошибочно, что и другіе участники-офицеры *въ общемъ испытываютъ тоже*.

Но, слѣдуетъ всегда принимать во вниманіе при учетѣ психическихъ переживаній, что хотя *реакція человека—его психика* на окружающія боевыя впечатлѣнія и *имѣетъ у всѣхъ людей нѣчто общее*, въ то же время *она и различается въ частности, она индивидуальна*; всякій человекъ реагируетъ на окружающія условія въ общемъ одинаково со всѣми людьми, въ частности въ то же время онъ уклоняется отъ общаго; онъ реагируетъ индивидуально.

Въ статьѣ: «Вліяніе артилерійскаго огня на психику» ⁷⁾ было мною указано, что хотя вся рота, находившаяся подъ обстрѣломъ артилерійскими снарядами, впала въ состояніе страха (панику) и сообразно этому чувству проявляла себя въ поведеніи и боевой дѣятельности, командиръ роты, прозванный за малый ростъ и не бравый видъ, въ насмѣшку, «Карлушей», *почти одинъ изъ всѣхъ не впалъ въ паническое состояніе* и своимъ примѣромъ и выдержкой удержалъ роту отъ паники. Хотя онъ пережилъ внутреннія психическія состоянія, какъ и всѣ другіе (чувство страха), но *онъ сдержалъ себя* отъ поглощенія этимъ чувствомъ. А то, что онъ дѣйствительно переживалъ это состояніе, свидѣтельствуетъ объ этомъ замѣтка въ разказѣ такого содержанія. «Командиръ роты въ началѣ обстрѣла, по обыкновенію своему, улыбался; но *очень скоро улыбка сошла съ его лица; онъ сталъ покрикивать....*»

Общая психическая реакція на впечатлѣнія отъ разрыва и дѣйствія артилерійскихъ снарядовъ *у всей роты была одинакова*, порождая у всѣхъ *чувство страха*, но реакція индивидуумовъ была разная; у командира роты *чувство страха было въ сдержанной формѣ*—безъ потери самообладанія; у другого офицера, его помощника, описаннаго нами выше, въ формѣ менѣе *несдержанной*,

⁷⁾ Д-ръ Г. Шумковъ. «Военный Сборникъ» 1914 г. № 5.

съ нѣкоторой потерей самообладанія и съ разрядомъ чувствъ почти до истерическихъ слезъ и рыданій.

Мы здѣсь не говоримъ объ индивидуальныхъ реакціяхъ лицъ, находящихся подъ обстрѣломъ артилерійскимъ огнемъ, мы отмѣчаемъ пока *общую*—обще-человѣческую *реакцію*.

Объ этихъ общихъ реакціяхъ даютъ свѣдѣнія приведенные выше изустные рассказы участниковъ—офицеровъ, побывавшихъ въ подобныхъ условіяхъ.

«Въ первый бой войска, особенно офицеры, идутъ смѣло, открыто и даже съ радостью. Понурыхъ лицемъ и вялыхъ по движенію при вступленіи въ первый бой почти не бываетъ».

«Войска, особенно офицеры, въ бой первый разъ идутъ въ спокойномъ душевномъ настроеніи и съ большимъ интересомъ къ тому—что будетъ?»

Мы, въ общемъ, можемъ принять за положеніе, что *войска и офицеры вступаютъ въ бой первый разъ въ настроеніи духа, относительно спокойномъ*.

Вступая въ бой, войска, не предполагая пока опасности для своей личности, испытываютъ *удовольствіе и наслажденіе* отъ эффектной картины развертывающагося боя—отъ звуковыхъ и зрительныхъ впечатлѣній при разрывахъ артилерійскихъ снарядовъ.

Войска и офицеры проявляютъ сильную *любопытность*. «Всѣмъ хочется узнать, какимъ онъ будетъ въ бою? Каждому хочется провѣрить себя въ боевой обстановкѣ? Что такое война? Такъ ли она ведется, какъ готовились въ мирное время? Что переживаютъ участники въ своей душѣ?» и т. п.

«Совсѣмъ другое душевное настроеніе у лицъ, уже побывавшихъ, говорятъ участники сраженій, у нихъ *нѣтъ того задора; нѣтъ желанія рваться въ бой; нѣтъ интереса къ эффектамъ величественной картины боя*. Здѣсь люди испытанные, побывавшіе и знающіе, что одного задора, самоувѣренности и желанія быть героемъ—мало. Обстановка боя иногда такъ повелѣваетъ, что и строго выдержанные и *крѣпкіе субъекты поддаются человѣческой слабости* (чувству страха—въ несдержанной формѣ съ потерей самообладанія).

Душевные переживанія, или общая психическая реакція войскъ и офицеровъ на впечатлѣнія отъ артилерійскаго огня въ первомъ артилерійскомъ обстрѣлѣ, подобно психикѣ врачей и психикѣ приведеннаго офицера-пѣхотинца, какъ видно изъ сказаннаго, *подраздѣляются на два періода*. *Первый* періодъ со времени вступленія подъ огонь *до момента* полученія реальныхъ впечатлѣній о

разрушительномъ дѣйствіи артилерійскаго огня и *второй*—съ момента полученія впечатлѣній о разрушительной силѣ огня—«обстрѣлянные войска».

Мною уже было упомянуто, что разница душевныхъ переживаній въ томъ и другомъ періодѣ (у войскъ, необстрѣлянныхъ и обстрѣлянныхъ) говоритъ о размѣрѣ *представленій*, воображенія или пониманія *опасности для себя* при вступленіи подъ обстрѣлъ и по полученіи личныхъ впечатлѣній о разрушительномъ дѣйствіи артилерійскаго огня. Если бы представленіе объ опасности для себя соотвѣтствовало дѣйствительности, то не было бы подраздѣленія душевныхъ переживаній на два періода.

Приведенное положеніе подтверждается участниками сраженій въ признаніи, что «артилерійскій огонь производитъ *сильное моральное (психическое) воздѣйствіе на пѣхоту* и не производитъ того же дѣйствія на артилеристовъ». «Необходимо отличать воздѣйствія артилерійскаго огня на психику людей *привычныхъ къ нему*—артилеристовъ и на людей *непривычныхъ къ нему*—офицеровъ и солдатъ пѣхоты.

Признаніе это говоритъ о томъ, что при *реальномъ*—«привычномъ»—*представленіи* о воздѣйствіи артилерійскаго огня у артилеристовъ нѣтъ рѣзкихъ подраздѣленій душевныхъ переживаній на упоминаемые періоды.

Дѣленіе психическихъ переживаній всегда есть у лицъ, не имѣющихъ *реальнаго* («привычнаго») представленія о дѣйствіи на психику артилерійскаго огня—и это *явленіе, какъ правило, наблюдается у офицеровъ и солдатъ пѣхоты.*

Слѣдовательно, офицеры и солдаты пѣхоты, какъ приведенные выше врачи, не имѣютъ *реальнаго представленія о явленіяхъ, наступающихъ невольно въ нихъ же самихъ* подъ артилерійскимъ огнемъ и *нѣтъ у нихъ умѣнья бороться съ этими явленіями*—«нѣтъ привычки», подобно привычкѣ артилеристовъ.

«Я, да и всѣ мы офицеры, воображали, что будемъ колоть, рубить; если нельзя дѣйствовать штыкомъ, будемъ стрѣлять..., говорить герой приведеннаго третьяго разсказа. *Но никому въ голову не приходило, что намъ придется бороться съ мертвой машиной, которую нельзя ни достать, ни даже увидѣть...*

Офицеры и солдаты, слѣдовательно, какъ правило, *не дооцѣниваютъ сферы опасности* подъ артилерійскимъ огнемъ потому, что они, кромѣ полученной подготовки къ борьбѣ съ непріателемъ, *не получили подготовки или «привычки» къ борьбѣ съ душевными*

переживаніями, невольно возникающими въ нихъ при обстрѣлѣ артилерійскими снарядами.

И это *неимѣніе реального представленія* о явленіяхъ, наступающихъ невольно въ психикѣ ихъ же самихъ подѣ артилерійскимъ огнемъ, вслѣдствіе отсутствія должной подготовки въ мирное время, накладываетъ печать на душевныя переживанія на находящихся подѣ артилерійскомъ обстрѣломъ въ бою, которыя и дѣлятся на два періода: первый періодъ—*до полученія реального представленія* о явленіяхъ подѣ артилерійскимъ обстрѣломъ и второй—*по полученіи.*

На основаніи изложеннаго прихожу къ выводамъ:

1) Душевныя переживанія войскъ и офицеровъ пѣхоты подѣ первымъ артилерійскимъ обстрѣломъ ничѣмъ, почти, не разнятся отъ переживаній лицъ, не получившихъ спеціально-военной подготовки (врачи запаса).

2) Причину того, что, подготовленные къ борьбѣ съ неприятелемъ, войска по отношенію къ психологическимъ переживаніямъ являются такими же неподготовленными, какъ люди не военные, нужно, собственно, отнести къ отсутствію должнаго обученія войскъ въ мирное время. При современномъ военномъ обученіи и воспитаніи не принимается никакихъ рациональныхъ пріемовъ къ обученію мѣрамъ борьбы съ тѣми тягостными душевными переживаніями, возникающими невольно подѣ артилерійскимъ обстрѣломъ у войскъ, которыя въ конечномъ результатѣ ведутъ къ потерѣ бойцовъ, какъ дѣятельныхъ и полезныхъ работниковъ (въ чувствѣ страха съ потерей самообладанія).

3) Призваніе факта, что артилеристы, вслѣдствіе большой «привычки», не переживаютъ тѣхъ тяжелыхъ психическихъ состояній, которыя бывають у пѣхоты, говоритъ за то, что воспитаніе въ перенесеніи тягостныхъ переживаній подѣ обстрѣломъ возможно; этотъ же фактъ указываетъ пути подобнаго обученія и даетъ увѣренность въ возможности достиженія необходимыхъ результатовъ.

4) *Душевныя переживанія войскъ подѣ обстрѣломъ*, или иначе, общая психическая реакція войскъ на впечатлѣнія артилерійскаго огня подѣ обстрѣломъ, въ началѣ и концѣ его, разны. Для психологическаго разсмотрѣнія эти переживанія могутъ быть подраздѣлены на два періода.

5) Первый періодъ съ момента вступленія подѣ обстрѣлѣ *до момента полученія* «на глазахъ» реального представленія о силѣ и дѣйстви артилерійскаго огня характеризуется: преобладаніемъ *въ воображеніи* участниковъ *представленій о дѣйстви артилерій-*

скаго огня, по знанію и опыту мирнаго времени, которыя у войскъ пѣхоты всегда неправильны въ смыслѣ недооцѣнки вредныхъ воздѣйствій артилерійскаго огня по отношенію къ самимъ себѣ (къ воздѣйствію на психику).

6) Примиренные съ ожидаемыми по знанію и опыту мирнаго времени представленіями объ опасности въ сферѣ огня (возможная смерть и раненія) — войска и, особенно, офицеры вступаютъ подъ обстрѣлъ смѣло, открыто и охотно въ *радостно-тревожномъ настроеніи* (по словамъ участниковъ въ «спокойномъ настроеніи»); *наслаждаются* въ началѣ картиной развертывающагося боя, звуковыми и зрительными эффектами артилерійскаго огня и горять *любопытностью* узнать: Что такое война въ дѣйствительности? Какъ она ведется? Что испытываютъ участники сраженій? и т. п.

7) Второй періодъ начинается съ момента полученія «на глазахъ» *реальнаго представленія* о разрушительной силѣ и дѣйствіи артилерійскаго огня (вида раненій и смерти) и характеризуется: преобладаніемъ въ *воображеніи* участниковъ *представленій* о дѣйствіи артилерійскаго огня *по полученію подѣ обстрѣломъ опыту* (впечатлѣнію).

Вслѣдствіе отсутствія «прирычки» къ перенесенію невольныхъ тяжелыхъ душевныхъ переживаній отъ *реальнаго* вида раненій, смерти и отъ рѣзкихъ впечатлѣній артилерійскаго огня, *воображеніе* участниковъ *переоцѣниваетъ* явленія опасности отъ вреднаго воздѣйствія артилерійскаго огня по отношенію къ самому себѣ.

8) Такъ какъ «природа чувствъ опредѣляется не дѣйствительною, а воображаемою полезностью, или вредомъ», то при *переоцѣнкѣ воображеніемъ* явленій опасности для самихъ себя, участники претерпѣваютъ душевныя переживанія, соотвѣтственно своему *преувеличенному представленію* объ опасности.

Эти душевныя переживанія соотвѣтствуютъ переживаніямъ людей, находящихся въ *чувствахъ: тревожно-опасливаго ожиданія и страха*; причемъ, находясь въ этихъ чувствахъ, лица или *сохраняютъ самообладаніе*, что обычно военные называютъ «*отсутствіемъ страха*», или *лица теряютъ самообладаніе*, иногда ихъ называютъ болѣе мягко «*поддающимися человеческой слабости*».

Д-ръ Т. Шумковъ.

